

КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В 1940-е ГОДЫ

Статья посвящена советскому этапу развития Карельского перешейка, анализу культурного состояния финской территории и предпринимаемых усилий Советского государства в решении этих сложных проблем в первые послевоенные годы. Как известно, культура в СССР всегда финансировалась по остаточному принципу, эта ситуация была характерна и при возрождении присоединенных территорий в восстановительный период.

Ключевые слова: Карельский перешеек, культурное возрождение, восстановительный период, Выборг, Финляндия, советские переселенцы, переселенческая политика, Советское государство, культурно-исторические традиции, Калевала.

G. Bolshakova

CULTURAL REBIRTH OF THE KARELIAN ISTHMUS IN THE 1940

The Soviet period of the development of Karelian isthmus is regarded and the cultural situation of the Finnish territory is analysed as well as the efforts of the Soviet state in the solution of these problems during the first postwar years. Culture was always poorly financed in the USSR, the revival of the attached territories during the restoration period developing under the same conditions.

Keywords: Karelian isthmus, cultural revival, restrotaion period, Vyborg, Finland, Soviet immigrants, a migration policy, the Soviet state, cultural-historical traditions, Kalevala.

В каждой местности на протяжении исторического развития складывается свой, особый духовный и бытовой мир, связанный с национальными и природными особенностями края.

В этом плане Карельский перешеек представляет собой уникальную территорию, становление и развитие которой имеет свои особенности, заключающиеся в том, что на протяжении длительного времени здесь формировались и оказывали огромное воздействие на ее общее состояние и культуру шведские, финские, немецкие, российские культурно-исторические традиции, а с 1940-х гг. – и советские.

Карельский перешеек, до 1940 г. входивший в состав Виipurского (Выборгского) округа Финляндии, не только имел репутацию экономически процветающей территории, но и считался загадочной «страной рунопевцев и седобородых кантелистов», местом, где сохранялась память о старинных укладах и дедовских традициях. Две эти особенности довоенной Финляндии – экономический рост и развитие культуры, проявляющиеся в обращении к национальным корням, – были связаны между собой. Как известно, фундаментом всей финской культуры и искусства считаются руны «Калевалы». На их основе создавалась культура финского народа: письменность, язык, традиции, лучшие произведения нацио-

нальной живописи, скульптуры и музыки. Так, например, финский Выборг в довоенное время называли «городом хоров» [5, Ф.Р.–1], здесь действовали знаменитый мужской хоровой коллектив «Вийпуурин лаулувейкот» – «Братья-певцы из Выборга», который уже в 1930-е гг. считался старейшим в стране, а в 2007 г. Финляндия отметила его столетний юбилей; «Карьялан лаулу» – «Карельская песня»; «Вяйнелян куоро» – «Хор Вянелы» и другие. Хоровое пение как нельзя лучше подходило на роль искусства народного, объединяющего, энергичного, способного представить культуру Финляндии в самом выгодном свете, показать «скрытую силу» нации. Интересен тот факт, что в приграничных с Россией районах, в частности на Карельском перешейке, это проявлялось ярче и живее. По всей вероятности, сказывалась близость территории к центру культурной и духовной жизни Северо-Западного региона – городу Петербургу.

В послевоенный период дальнейшее экономическое и культурное развитие Карельского перешейка, как известно, утратило былой вектор движения, также изменилось содержание и перспективы его культурно-исторического развития. Это проявилось прежде всего как в смене общественного строя, так и в замене коренного карело-финского населения [3, с.132] советскими переселенцами.

Возможность и необходимость заселения, освоения и закрепления на бывшей финской территории советских людей появилась после окончания Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) и войны 1941–1944 гг., в Финляндии называемой Войной-продолжением, так как она понималась как продолжение Зимней войны и как стремление возместить понесённые в результате её потери.

На присоединенные земли по планам переселенческой политики Советского государства стали приезжать советские переселенцы из Вологодской, Псковской, Тверской, Рязанской, Курской, Тамбовской, Владимирской и других областей, а также выходцы из Белоруссии, Украины, Мордовии, Чувашии, Татарии. Советское население не застало здесь никого из прежних финских жителей, поэтому, оказавшись преемником «мира вещей», новосёлы не стали преемниками духовной жизни территории. С одной стороны, ими положительно решались долгосрочные экономические и демографические проблемы на уровне государства. С другой – происходило резкое изменение структуры и содержания занимаемых территорий. Последствия переселений стали проявляться в сложном взаимодействии приезжающих друг с другом и новыми условиями жизни. Образ жизни, традиции, нормы поведения, стиль общения пришлому населению на новом месте нужно было менять или самим подстраиваться под них.

Результаты нашего исследования показали, что «переселенцы» привносили в жизнь бывшей финской территории новые, характерные для их прежней жизни социокультурные традиции, но чуждые для принимающей территории. Первое время, когда советским населением использовалась оставленная финнами домашняя утварь, мебель, одежда, предметы труда и т. п., качество жизни членов нового сообщества было приемлемым. Однако с течением времени, когда советские новосёлы по-своему

распорядились финским «миром вещей» и установили свои ориентиры дальнейшего развития новых мест вселения, жизненные показатели стали падать и понижаться. На новозанятой территории переселенцы формировали свой духовный и материальный мир, связанный с национальными традициями и идеологическими установками, характерными для советской идеологии. В связи с этим на Карельском перешейке прервалась финская культурная традиция и стала формироваться и распространяться новая – советская. С одной стороны, в данном регионе произошло наложение советской культуры на финскую. Это проявилось в изменении облика архитектурных сооружений, в формах землепользования, в тотальной замене финских названий на советские, в разрушении церквей и т. п., с другой – на присоединённой территории произошло слияние культур различных национальностей Советского Союза – русских, белорусов, украинцев, татар, чувашей и др.

Следует подчеркнуть, что огромное влияние на переселенцев, на их занятия оказывали и природные особенности нового места жительства, так как природа и климат, по определению В. О. Ключевского, всегда играли важную роль в формировании человека, его образа жизни и занятий [4, с. 24].

Поскольку в результате войн финские жители дважды покидали свои дома и дважды в эти же дома вселялись советские переселенцы, то вместе с ними здесь устанавливались и переплетались региональные и национальные особенности образа жизни, быта, различные уклады, обычаи, традиции родных мест, которых придерживались, по привычке, переселенцы-новосёлы. Как известно, в 1940-е гг. чаще переселенцами становились в основном малоимущие крестьяне, которые формировали на осваиваемых территориях специфические, порой губительные, тенденции развития, в корне меняющие содержание и форму дальнейшего развития. С первым появлением советских

переселенцев и вплоть до настоящего времени происходит видоизменение природного и культурного пространства Карельского перешейка. Жизнь природы и нового сообщества присоединённой территории стала протекать и протекает до сих пор по законам и принципам, отличающимся от прежних, довоенных. В свое время академик Д. С. Лихачев в известной работе «О русской природе» писал, что отношения природы и человека – это отношения двух культур, каждая из которых по-своему «социальна», общежительна, обладает своими «правилами поведения». И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры – плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна <...> [6, с.14]. Для советского населения новые природно-климатические условия также становились препятствием адаптационного характера, требующим времени для привыкания и приспособления к ним. Подобные трудности и проблемы вызывали общий негативный настрой и желание у некоторой части переселенцев вернуться на прежнюю родину.

Резко отличным и неоднозначным было отношение не только к природе, но и к труду, к быту, к культуре первых советских новосёлов Карельского перешейка. Так, у финского населения были сформированы и действовали свои многовековые традиции – основательное и неспешное отношение к жизни в целом и к её «мелочам» [7, с. 210–211], а, как известно, мелочи, собственно, и создают целостный законченный образ. У советского населения было свое видение дальнейшего пребывания на новоприобретенных землях, возрождение которых на советский лад часто начиналось с разрушения, отторжения незнакомого и непонятного, всего того, что не соответствовало советской идеологии.

Приведем воспоминания Бориса Тикка, непосредственного очевидца событий послевоенного времени. Его семья приехала

на Карельский перешеек, в город Койвисто (ныне город Приморск) в 1945 г. из эвакуации: *«В городе поражало обилие самой разнообразной зелени: розовый кустарник, жасмин, диковинный декоративный кустарник и много различных видов деревьев. Бросались в глаза аккуратно ухоженные частные сады. Дом от дома располагался на большом расстоянии. Дороги были аккуратные с ровным песчаным полотном, очень хорошо укатанные. Когда шли дожди, они были сухими. Основная дорога города – Выборгское шоссе – была размечена километровыми столбами из красного гранита, один из которых стоял напротив почты по правой стороне дороги на Выборг. Цифра указывала расстояние до Выборга. Все эти столбы как-то незаметно года через два-три исчезли <...>. Одноэтажный дом, в котором нас разместили, находился в двух километрах от Койвисто в Тервохарттиала. Дом был большой, и мы заняли только его третью часть. В этом доме, как и во всех остальных, рядом стоящих, все было исправно, и они выглядели, как недавно построенные. К каждому дому были подведены электрические витые медные провода, но электроток не было. В домах была выполнена электропроводка кабелем в алюминиевом кожухе, который аккуратно прилегал к стенам и потолку. Заходя в помещение, особенно если сохранились обои, казалось, что хозяева покинули его временно и находятся где-то рядом <...>. Поначалу все жители активно пользовались всем тем, что было оставлено финнами. Однако как-то незаметно, и довольно скоро все понемногу стало исчезать или приходить в негодность. Электрические столбы, почти мгновенно были спилены на дрова, хотя кругом был лес, а в лесу стояло много сухостоя. Медные провода на столбах и электрическая проводка в домах были сорваны, и все это сдавалось в пункты приема металлолома. Однако через 2–3 года эти же люди, но уже по указанию и под руководством местных властей ста-*

вили новые столбы на эти же места и заново проводили в домах электропроводку, но уже, по-советски, на фарфоровых роликах, а на столбы – алюминиевые провода» [9, с. 84–85].

Войны всегда приносят разорение и опустошение. Не стали исключениями и последствия боевых действий на Карельском перешейке. Следует заметить, что в оценке состояния территории Карельского перешейка на момент окончания Советско-финляндской войны и вынужденной эвакуации финского населения авторы имеющихся немногочисленных публикаций расходятся [1, с. 12, 20; с. 10; с. 9, 20]. Одни утверждают, что большая часть присоединенных к СССР земель была пригодна для обустройства и дальнейшего проживания на них. Другие исследователи утверждают, что финны, уходя, оставляли после себя буквально руины: разбивали стекла в домах, портили оставляемое имущество, канализацию, водопровод и др.

Действительно, после окончания боевых действий на Карельском перешейке оставались уголки «нетронутой» Финляндии: неповрежденные дома и строения, сады, уцелевшие хуторские хозяйства, скот в загонках, даже цветы на клумбах и др. Но в целом территория Карельского перешейка серьезно пострадала, особенно там, где проходила линия Маннергейма, где велись активные боевые действия. Война нанесла как материальное (были разрушены здания, мосты, промышленные предприятия, банки и др.), так и духовное разорение (были утрачены многие культурные ценности, традиции некогда процветавшей «песенной» территории) [5, Ф.Р.–5; 5, с. 9, 20].

Однако уместно заметить, что при отступлении Красной армии и эвакуации советского гражданского населения из Выборга и с Карельского перешейка в августе 1941 г. красноармейцы и советское население нанесли не меньший ущерб как городу, так и территории Карельского перешейка в целом [2, с. 41].

Первым советским жителям «новых земель» приходилось приспосабливаться и привыкать к новым, непривычным и во многом чуждым, условиям жизни: колхозникам мешала единоличная хуторская система, приходилось тратить много сил для решения проблемы по свозу хуторских домов на центральные усадьбы, заготавливать строительный лес и строить новые дома для новых партий переселенцев. Зачастую советскими новосёлами растаскивались материальные ценности. Книги на иностранном языке, мебель, убранство культовых сооружений – все это пускалось на отопление квартир или приводилось в негодность. Первых переселенцев мучило и приводило в тупик чувство «заграничности», новое социальное окружение. Однако брала верх привычка жить по-старому. Это делило материальный мир «на свой и финский», отделяло новоселов от создаваемого ими культурного пространства, заставляло их отказываться от своей причастности к нему. Оказывали давление и идеологические установки: советские люди хотели поскорее уничтожить «буржуйский» мир», в котором они оказались в межвоенное время 1940–1941 гг. Вот почему культурное развитие «новых земель» в первые годы освоения бывшей финской территории, находящейся на более высоком социально-экономическом уровне, имело специфический характер. Финский культурный ландшафт, доставшийся в наследство советским переселенцам, под их воздействием очень быстро менялся. С приездом переселенцев произошло его переструктурирование, например: многие общественные и производственные здания оказались заброшенными, жилые дома и подсобные постройки быстро ветшали. Поля зарастали травой, а леса становились непроходимыми. Старый мир довольно быстро уступал новому порядку. В традиции советского человека, привыкшего к тому, что культура финансируется по остаточному принципу, о культурном развитии на первых порах думать не при-

ходило, хотя анализ публикаций местной прессы 1940–1941 гг. дает основание говорить о накоплении определенного опыта культурных преобразований. Так, в Выборге осуществлялись самые разнообразные мероприятия по наведению порядка, по благоустройству города; проводились для населения массовые культурные мероприятия: организовывались лектории при Государственной публичной библиотеке (ныне библиотека А. Аалто – Г. Б.), сотрудниками краеведческого музея проводились экскурсии по историческим местам города, проходили гастролы, в частности, Белорусского государственного театра [8], предпринимались попытки по улучшению жилищных условий переселенцев, строились и открывались новые школы, избы-читальни, проводилось электричество и радио, открывались клубы, демонстрировались фильмы, выступали агитбригады. Например, в Выборге в 1940–1941 гг. санитарно-эпидемиологической станцией регулярно организовывались рейды проверки чистоты в квартирах и городских дворах, где горожане содержали домашний скот и птицу. А по селам и городам Карельского перешейка разъезжали агитбригады с концертами (песни, пляски, частушки) и лекциями о преимуществах социализма [5, Ф.Р.–437; Р.–2]. Следует отметить, что влияние города на сельскую местность в послевоенный период было огромным.

Однако в целом советские переселенцы в первые послевоенные годы решали на присоединенной территории далеко не культурно-эстетические проблемы. Шли восстановительные работы разрушенного войной хозяйства, нужно было в короткие сроки освоить и включить новые экономи-

ческие пространства в единый хозяйственный механизм Советского государства. Выполнение этой стратегически важной задачи сопровождалось известными материальными трудностями, такими как нехватка транспорта, строительных материалов, гвоздей, стекла; остро ощущался недостаток квалифицированных рабочих и др.

Идеология советской власти, желание быстро и без усилий «построить, решить, ускорить, увеличить» формировали у населения присоединенной территории сознание временщиков. Долгое время эти стереотипы были направляющими, существовали и процветали в сознании людей.

Процесс возрождения культурно-исторических связей региона в прямом смысле этого понятия начался по-настоящему только в постсоветское время.

Благодаря заинтересованности и поддержке как российской, так и финской обществности и её отдельных граждан, неравнодушных к культурно-историческим проблемам, разрабатываются и осуществляются экономические, социальные, культурные проекты, способствующие восстановлению исторической памяти о прошлом Карельского перешейка. Возвращаются в жизнь реальные историко-культурные памятники, возрождаются культурные связи бывших финских и настоящих российских жителей Карельского перешейка, прерванные в советское время.

Таким образом, реализация совместных усилий жителей по обе стороны границы на Карельском перешейке определяет в настоящее время новые перспективы его дальнейшего культурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2005; *Степанов В. Н., Балашов Е. А.* В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб.: Нордмедиздат, 2001; *Молчанов А. К.* На грани войны и мира. Карельский перешеек и Северное Приладожье

в 1930–1948 гг. СПб.: «Весь курортный район», 2005; *Смирнова Е. П.* Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Петрозаводск, 2006.

2. *Кепп Е. Е.* Кондратьевская полька // Часовая башня. 1990. 23–29 июля; Перкъярви-Кирилловское /Пер. с финского Д. И. Орехова/. СПб.: Изд-во ОСТРОВ, 2007.

3. *Клинге М.* Очерк истории Финляндии. Хельсинки: Оттава, 1996.

4. *Ключевский О. В.* Русская история. Полный курс лекций: В трех книгах. Книга первая. Ростов-н/Д: Феникс, 1998.

5. Ленинградский областной государственный архив в Выборге (ЛОГАВ), Ф.Р.–1, О.1, Д.1, Л.1; Ф.Р.–437, О.2, Д.4, Л.11,25, 29; Ф.Р.–2, О.2, Д.9, Л.1; Ф.Р.–6, О.1, Д.27, Л.1; Ф.Р.–41, О.1, Д.14, Л.5; Ф.Р.–5, О.1, Д.161, Л.1,3; и др.

6. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.

7. *Молчанов А. К.* На грани войны и мира. Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939–1948 гг. СПб.: Весь курортный район, 2005.

8. Новости культурной жизни // «Виипурский большевик». 1941, 2 февраля; 18 марта, 11 мая.

9. *Тикка Б.* Воспоминания о детстве в Койвисто // *Степаков В. Н., Балашов Е. Н.* В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб.: Норд-медиздат, 2005.

REFERENCES

1. Granica i ljudi. Vospominanija sovetских pereselencev Priladozhskoj Karelii i Karel'skogo pereshejka. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2005; *Stepakov V. N., Balashov E. A.* «V novyh rajonah»: Iz istorii osvoenija Karel'skogo pereshejka 1940–1941, 1944–1950 gg. SPb.: Nordmedizdat, 2001; *Molchanov A. K.* Na grani vojny i mira. Karel'skij peresheek i Severnoe Priladozh'e v 1930–1948 gg. SPb.: «Ves' kurortnyj rajon», 2005; *Smirnova E. P.* Zaselenie i osvoenie novyh rajonov Karelo-Finskoj SSR v 1940-e gody: Avtoref. na soiskanie uchenoj stepeni kand. istor. nauk. Petrozavodsk, 2006.

2. *Кепп Е. Е.* Kondrat'evskaja pol'ka / /Chasovaja bashnja. 1990, 23–29 ijulja; Perkjarvi-Kirillovskoe /Perevod s finskogo D. I. Orehova/. SPb.: Izd-vo OSTROV, 2007.

3. *Klinge M.* Oчерk istorii Finljandii. Hel'sinki: Izd-vo «Ottava», 1996.

4. *Kljuchevskij O. V.* Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij: V treh knigah. Kniga pervaja. Rostov-n/Donu: Feniks, 1998.

5. Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v Vyborge (LOGAV), F.R.–1, O.1, D.1, L.1; F.R.–437, O.2, D.4, L.11,25, 29; F.R.–2, O.2, D.9, L.1; F.R.–6, O.1, D.27, L.1; F. R.–41, O.1, D.14, L.5; F. R.–5, O.1, D.161, L.1,3; i dr.

6. *Lihachev D. S.* Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2006.

7. *Molchanov A. K.* Na grani vojny i mira. Karel'skij peresheek i Severnoe Priladozh'e v 1939–1948 gg. SPb.: Ves' kurortnyj rajon, 2005.

8. Novosti kul'turnoj zhizni // «Viipurskij bol'shevik». 1941, 2 fevralja; Viipurskij bol'shevik. 1941, 18 mar-ta; «Viipurskij bol'shevik». 1941, 11maja.

9. *Tikka B.* Vospominanija o detstve v Kojvisto // *Stepakov V. N., Balashov E. N.* V «novyh rajonah». Iz istorii osvoenija Karel'skogo pereshejka 1940–1941, 1944–1950 gg. SPb.: Nordmedizdat, 2005.